

Пушкинский образ России

Министерство культуры Свердловской области
Свердловская областная межнациональная библиотека

Пушкинский образ России

225 лет А.С. Пушкину

Екатеринбург, 2024

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

П91

П91

Пушкинский образ России : 225 лет А.С. Пушкину/ Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека; составитель О. И. Калинина. – Екатеринбург : СОМБ, 2024. – 70 с. : ил. – Текст : электронный.

83.3(2Рос=Рус)1

Изображения заимствованы из открытых источников сети Интернет.

Содержание

«И в новом веке Пушкин с нами»	4
«Отечество он славил и любил»	8
Пушкинские параллели	37
Список использованных источников	70

«И в новом веке Пушкин с нами»

*Осенённый пророческим слогом,
В дни торжеств и суровых годин
Вдруг поймёшь, что великих – их много
У России. А Пушкин – один!*

И. Ляпин

6 июня 2024 г. исполняется 225 лет со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина, основоположника русского литературного языка и великого поэта. Произведения А.С. Пушкина объединяют людей всех возрастов, находят своих почитателей почти во всех уголках планеты.

«Автор «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» и многих других образцовых поэтических созданий явился первым крупным представителем мощи русского дарования на поприще литературы. Он – наш первый великий поэт в полном значении этого слова, достигший мирового значения, выразитель нашей духовной сущности». Н.П. Дашкевич

В июне 1880 года в Москве открывали памятник Пушкину. Это событие стало громадным трёхдневным празднеством, торжеством русской литературы, начинавшей в то время обретать мировое признание. Перед толпами почитателей выступали Ключевский, Тургенев, Аксаков... Но главной сенсацией стала Пушкинская речь Достоевского, которая явилась завещанием писателя, скончавшегося через полгода.

Свою речь Ф. Достоевский начал цитатой из Гоголя, который за полвека до этого назвал Пушкина «чрезвычайным и, может быть, единственным явлением русского духа», «русским человеком в его развитии, каким он, может быть, явится через двести лет». Достоевский назвал Пушкина ещё и явлением пророческим и говорил не только и даже не столько о самом поэте, сколько о будущем предназначении России. Мысль, что о характере целого народа можно судить по творчеству одного (пусть даже и гениального) поэта, не показалась никому ни странной, ни удивительной.

«Ни один писатель ни прежде, ни после него, не соединялся так задушевно, так родственно с народом своим, как Пушкин. У нас много знатоков народа между писателями нашими. Писали о нём талантливо, тепло, любовно; а между тем если сравнить их с Пушкиным, то, право же, это лишь «господа», о народе пишущие... за одним, много двумя исключениями, да и то в последнее время...».

Ф. Достоевский увидел в творчестве Пушкина важнейшую черту национального характера, каким он представлялся автору «Братьев Карамазовых», – способность понимать другие народы лучше, чем те способны понимать себя сами. Он говорил:

«...В Европе были величайшие художественные мировые гении – Шекспир, Сервантесы, Шиллеры, но... ни у кого из них не видим этой способности, а видим её только у Пушкина. Не в отзывчивости одной тут дело, а именно в изумляющей полноте перевоплощения. Эту способность, понятно, я не мог не отметить в оценке Пушкина, именно как характернейшую особенность его гения, принадлежащую из всех всемирных художников ему только одному, чем и отличается он от них от всех. <...> Способность эта есть всецело способность русская, национальная, и Пушкин только делит её со всем народом нашим, и, как совершеннейший художник, он есть и совершеннейший выразитель этой способности, по крайней мере в своей деятельности, в деятельности художника».

В этом анализе мы отмечаем главное. Народ, способный понять душу других народов, является естественным лидером всемирной истории развития общества.

Печально, что осознание исторического значения деятельности Пушкина, величия его творческого гения, понимание неизмеримости утраты, понесённой русской культурой и литературой, пришло только после безвременной смерти поэта. С большой искренностью и глубоким уважением к русскому поэту высказался другой великий славянский поэт-современник и друг Пушкина – Адам Мицкевич. В газете «Le Globe» за 25 мая 1837 года Мицкевич напечатал «Биографическое и литературное известие о Пушкине». Здесь он так говорит о Пушкине:

«...только однажды даётся стране воспроизвести человека, который в такой великой степени соединяет в себе столь различные и, по-видимому, друг друга исключаящие качества».

Немецкий знаток и ценитель Варнгаген фон-Энзе в своей статье 1841 г. «О новейшей русской литературе» называет Пушкина «главой и вождем современной литературы». И далее немецкий критик говорит о цветущем состоянии русской литературы, из писателей старых выделяя особенно Жуковского, Крылова, Одоевского, Вяземского, Языкова, говорит о «выдающемся таланте» «вышедшего из народа» поэта Кольцова. Но пальму первенства в современной ему русской литературе он отдает молодым первоклассным писателям, достойным продолжателям дела Пушкина – «гениальному» Гоголю и «блестящему многообещающему» юному поэту Лермонтову; на первое место среди русских критиков он решительно ставит Белинского.

Из русских критиков именно Белинскому выпала на долю честь после смерти Пушкина охарактеризовать «гений» великого поэта и определить меру исторического значения Пушкина в истории русской литературы и русской общественности. Для Белинского Пушкин великий русский поэт, от него идёт гордое начало нового периода уже «народной» русской литературы. На лучших произведениях современной ему литературы Белинский отмечает ответственность пушкинского наследия: *«без «Онегина» был бы невозможен «Герой нашего времени», так же, как без «Онегина» и «Горе от ума» Гоголь не почувствовал бы себя готовым на изображение русской действительности, исполненное такой глубины и истины»*. Определив сущность пушкинского гения как «вечно живущего и движущегося явления», Белинский утверждает действительное значение пушкинского наследия и для грядущих эпох – для культуры, для литературы.

От Пушкина идёт процесс сближения литературы с народным творчеством. Пушкин был одним из первых поистине строго научных ценителей и собирателей памятников народного творчества. Вс. Миллер сказал по поводу пушкинского «Жениха»:

«...Комбинация народных материалов здесь, как и в других воспроизведениях поэтом народных сюжетов, навсегда останется для нас тайной, как работа творческой мысли гения, но самые материалы – сюжеты, язык – были почерпнуты художником в самом народе, который он изучал с любовью и вниманием этнографа».

Пушкин – живой участник нашей литературной современности. Юный Пушкин, как бы предчувствуя судьбу своих созданий, писал в стихотворении «Возрождение» о том, как с картины гения

*...краски чуждые, с летами
Спадают ветхой чешуёй;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.*

Воздействие поэзии Александра Сергеевича Пушкина на нас огромно. С годами оно становится всё более явным и заметным. Очень точно сказал об этом Ф. Абрамов: *«Пушкин – отец наших душ...»* Да, действительно, поэзия этого великого поэта служит познанию мира и познанию человеческой души, тем самым воспитывая читателя. Мы, живущие в XXI веке всегда ощущаем всего Пушкина – в каждом стихотворении, в каждой строчке он весь.

Сейчас мы радуемся каждому пушкинскому слову, каждой фразе, им произнесённой, наслаждаемся любым письмом, им написанным. И это потому, что мы уже понимаем если не всё в Пушкине, то всего Пушкина.

О постоянном интересе к личности классика говорят и многочисленные исследования, и множество электронных ресурсов. Существует особая наука «пушкинистика», которая занимается изучением жизни и творчества А.С. Пушкина. Имя Пушкина будет волновать ещё не одно поколение. В чём загадка притягательности поэта? Вот как об этом сказал Д.С. Лихачёв:

«Пушкин – это лучшее, что есть в каждом из нас. Это доброта и талант, смелость и простота...Народ любит гениев, простых в своём величии и великих в своей простоте».

С этим нельзя не согласиться. Пушкин победил время и пространство. Пушкинская эпоха уходит всё дальше от нас, а Пушкин как будто всё ближе. Основоположник и родоначальник русской литературы, он и ныне самый популярный, любимый и читаемый поэт нашей страны.

В 1880 году, в день открытия памятника великому Пушкину в Москве, А.Н. Островский сказал: *«Пушкиным восхищались и умнели, Пушкиным восхищаются и умнеют».*

Сегодня слова драматурга звучат не менее актуально, чем в те дни.

«Пушкин совершил в нашей литературе приблизительно то же, что Пётр Великий сделал для русского государства. Пушкин поставил нашу поэзию на один уровень с западноевропейской и вместе явился истинным творцом нашей просвещенной литературной самобытности».

В своей книге «Памяти Пушкина» Н.П. Дашкевич, русский историк и литературовед, академик Императорской Санкт-Петербургской академии наук, писал эти строки к 100-летию юбилею гения русской поэзии, в XXI веке звучат абсолютно современно:

«В новом периоде нашей словесности он – первый действительно национальный поэт в высшем смысле этого слова: он владел и иноземными сокровищами поэтического наследия и черпал в то же время из богатых родников русской жизни, русской души и родной поэзии».

«Отечество он славил и любил»

*«Пушкин – это Россия,
выраженная в слове».*

В.С. Непомнящий, пушкинист, председатель Пушкинской комиссии Института мировой литературы Российской академии наук

Михаил Семёнович Родионов. Пушкин и Пётр I

В своем знаменитом Письме к П.Я. Чаадаеву Пушкин рассуждает об истории и особом предназначении России. Пишет, что прекрасно видит и достоинства, и недостатки, сильные и слабые места, и при этом прямо говорит:

«Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал».

Поэт Аполлон Майков посвятил собрату по перу стихотворение, в котором есть такие строки:

*Пушкин! Ты в своих созданных
Первый нам самим открыл,
Сколь таится в духе русском
Глубины и свежих сил.*

В очерке «Пушкин» Ф.М. Достоевский отметил, что в появлении его *«заключается для всех нас, русских, нечто бесспорно пророческое. (...) Повсюду у Пушкина слышится вера в русский характер, вера в его духовную мощь, а коль вера, стало быть, и надежда, великая надежда за русского человека».*

Пушкин любил Россию, много думал о ее судьбе, о судьбе русского народа. Собрав воедино пушкинские высказывания о России, можно представить, какой он хотел видеть ее будущее. Прежде всего, будущая Россия для Пушкина – это свободная страна, избавленная от рабства, крепостничества, угнетения:

*Увижу ль, о друзья! народ неугнетённый
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдет ли наконец прекрасная заря!*
Русь могучая и победоносная виделась Пушкину:
*Сильна ли Русь? Война и мор,
И бунт, и внешних бурь напор Её,
беснуясь, потрясали –
Смотрите ж: все стоит она.*

Интерес к отечественной истории Пушкин считал обязательным для гражданина России. При изложении событий минувшего он руководствовался «исторической совестью». Перу его принадлежат чисто исторические работы – «История Пугачёва» и неоконченная история Петра I. В Михайловской ссылке в 1826 году Пушкин готовит записку «О народном воспитании», посвящённую вопросам просвещения: «...Одно просвещение в состоянии удерживать новые безумства, новые общественные бедствия». У Пушкина сложился собственный взгляд на русскую и европейскую политику. В наши дни особенно актуально звучат слова поэта: «Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой...; история её требует другой мысли, другой формулы...».

Историческим событиям, их влиянию на человеческие судьбы посвящены такие произведения А.С. Пушкина, как «Песнь о вещем Олеге», «Полтава», «Борис Годунов», «Медный всадник» и другие. Причем все эти произведения отличает не следование официальной точке зрения или мнению большинства о событии, а собственная оценка, собственное переосмысление роли события или исторической личности в жизни страны.

Одно из первых таких произведений – «Песнь о вещем Олеге», написанное в 1822 году, в котором даётся поэтическая версия автора о кончине великого русского князя, прославившегося своими удачными военными походами и победами над сильными врагами, в частности над Византией: «Твой щит на вратах Цареграда».

Описывая историю России с древнейших времён, поэт считал, что «у нас было особое предназначение. Это Россия, это её необъятные пространства проглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена».

Особую позицию Пушкин занимал и относительно оценки исторического прошлого России. Он решительно возражал Чаадаеву, весьма нелестно отзывавшемуся о России, ее историческом прошлом и перспективах ее развития, о русских, которые «ничего не дали миру» и «ничем не содействовали прогрессу человеческого разума». «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться, – пишет он в письме к Чаадаеву. – Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы, разве это

не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов?».

Мысль о выпадении России из истории также представляется Пушкину сомнительной. «*А Петр Великий, который один есть целая история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы. А Александр, который привел нас в Париж?».*

В это же время появляются бессмертные строки:

*«Два чувства дивно близки нам –
В них обретает сердце пищу –
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
На них основано от века
По воле Бога Самого
Самостоянье человека,
Залог величия его».*

Польский мятеж 1830-1831 годов стал причиной для написания Пушкиным целого ряда патриотических произведений, в первую очередь «Клеветникам России». В стихотворении «Клеветникам России» Пушкин предостерегает всех жаждущих завоевать Россию, чтобы не трогали русских, иначе любому агрессору найдется «место... в полях России»:

*Вы грозны на словах – попробуйте на деле!
Иль старый богатырь, покойный на постеле,
Не в силах завинтить свой измаильский штык?
Иль русского царя уже бессильно слово?
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*

В 1899 году, накануне столетнего юбилея Пушкина, протоиерей Иоанн Восторгов исключительно высоко оценил пушкинское видение русской истории:

«В своих произведениях, проникая в глубь истории, поэт входит в духовное общение с многовековой жизнью целого народа и затем с мыслью и жизнью всего человечества. Здесь прошлое не представляется ему "мертвовой скрижалей": он ищет в нём смысла и той внутренней связи, по которой прошедшее является основой для будущего; пости-

гает здесь он цену религии, этой вековой основы жизни и в истории человечества и в истории родины».

В строках стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» перед нами встают прославившиеся в боях русские воины.

*Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят
на дерзновенных,
Сердца их мщеньем зажжены.
Вострепещи, тиран! Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть
В пылу сраженья
За Русь, за святость алтаря.*

Однако, слава Отечества – это не только военные победы, но и процветание народа. Слово «народ» в произведениях А.С. Пушкина многозначно. Это вся Русская земля. Образ России возникает в упомянутом нами стихотворении «Клеветникам России»:

*Иль мало нас?
Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,*

*От потрясенного Кремля
До стен недвижимого Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..*

Он дает гневную отповедь силам, которые хотели бы усугубить возникший тогда конфликт между русскими и поляками, подчёркивает и неоднократно повторяет мысль о том, что это вражда «семейная». Хоть и затяжная, но преходящая.

Литературовед А.И. Лазарев в статье «А.С. Пушкин и национальный вопрос пишет:

«Пушкин – человек мира. Гуманный пафос всего его творчества вытекал из убеждения, что все люди – братья. Они могут различаться антропологически (цветом кожи, формой черепа), стоять на разных ступенях цивилизации, исповедовать разные религии, но все равно быть при этом братьями, одинаково представлять на планете Земля род людской. Не случайно всегда, когда он в том или ином произведении касался вопроса об отношениях между нациями, у него выходило из-под пера слово «семья»».

Пушкин обладал чудесным даром глубоко проникать в самое ядро культуры любого народа, смотреть на мир его глазами, показывать, что он чувствует, раскрывать его лирические переживания.

Для него в художественном плане было всё равно, о ком писать – о русском, грузине, чеченце, молдаванине, тунгусе, калмыке, татарине... С одинаковой симпатией он рисует образы горцев и цыган, украинцев и литовцев, русских и башкир.

Современный исследователь творчества Пушкина Лейзер Онекман писал:

«В произведениях Пушкина действуют представители многих народов. Это, естественно, русские, а также финны, грузины, армяне, чеченцы, молдаване, греки, французы, англичане, испанцы, шведы, украинцы, цыгане, татары, арабы, евреи – всех трудно перечислить. И все они равны, предпочтения не отдается никому...».

В его лирических стихах мы видим не только московских и петербургских красавиц, но и «грузинку со знойными очами», и веселую «кудрявую молдаванку», и «любезную калмычку», которая увлекла его «среди степей». Мысленно обращаясь к последней, он признаётся:

*Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шёлком не сжимаешь ног...*

Красота воспринимается им в любой национальной оболочке. Как истинный художник он любовался калмычкой

...ровно полчаса,

*Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.*

Пушкин родился в Москве, прожил большую часть жизни в Петербурге, но знал Россию, поездил по ней. Побывал в Молдавии (в Кишинёве), на юге России (в Таганроге), на территории нынешней Украины (в Екатеринославе – нынешнем Днепре, в Киеве, в Николаеве, в Мариуполе, в Одессе), в Крыму (в Симферополе, в Керчи, в Феодосии (Кафе) и в Бахчисарае, а также в Гурзуфе, входящем в нынешнюю Ялту), на Кавказе и в Закавказье (в грузинском Тифлисе и даже в турецком Эрзеруме), на Урале. Биографы Пушкина подсчитали, что Александр Сергеевич за свою короткую жизнь проехал более 34 тысяч верст, это равно длине земного экватора.

Какой же предстает Россия в стихах, прозе, заметках, письмах Пушкина? Страной русских или страной «народов неисчетных»? С глубоким уважением и симпатией относился поэт ко всем нациям своей страны. Перед лицом его музы все народы были равны. Вместе с тем поэт очень тонко подмечал особенности и своеобразие характера каждого народа, его самобытность.

4-5 сентября 1833 года Александр Сергеевич Пушкин был проездом в Чувашии. Это было время работы над «Капитанской дочкой» и «Историей Пугачёва». Поэт старался найти очевидцев пугачёвского восстания, среди которых было немало чуваш. Доподлинно известно, что поэт останавливался на почтовой станции Исмели (село Октябрьское Мариинско-Посадского района). С этим местом связана целая легенда. Будто Александр Сергеевич увидел прекрасную девушку у колодца, выпрыгнул из коляски, заворожённый её красотой...

Этот сюжет запечатлели на своих полотнах два известных чувашских художника. Народный художник Чувашии Николай Васильевич Овчинников в 1998 году написал картину «У родника (А. С. Пушкин в Чувашии. 1828 год)».

В своем дневнике во время поездки по чувашской земле поэт записал: *«Здесь жители словоохотливы, хорошо знают историю...»* – и отметил добродушие и трудолюбие чуваш.

Конечно, А.С. Пушкину были знакомы болдинские соседи – мордва и черемисы (ныне марийцы). В «Истории Пугачева» он пишет: *«Мордва, чуваша, черемиса перестали повиноваться русскому начальству». В войске Пугачева было «...тысяч до десяти калмыков, башкирцев, ясачных татар...».*

Особенно тепло к Пушкину относятся башкиры, потому что благодарны Пушкину за то, что он в «Истории Пугачева» и в «Капитанской дочке» нарисовал бессмертный образ храброго, свободолюбивого степняка-башкира, которого не сломили даже пытки, изуродовавшие его тело, но не тронувшие его благородную душу. Народный поэт Башкирии Сайфи Кудаш в 1937 году, когда страна вспоминала о 100-летию со дня смерти Пушкина, написал:

*Он, вестник грядущего мира,
Писал, что за вольное слово
Был вырван язык у башкира –
Повстанца времен Пугачёва.*

*Мы, правнуки этого деда,
Погибшего в тяжких увечьях,
Читаем и славим поэта
На всех языках и наречьях.*

Тюлькин Э. А. Пушкин среди башкир

Статью об удмуртах А.С. Пушкин, редактор журнала «Современник», через своего друга Владимира Фёдоровича Одоевского заказал вятскому журналисту Алексею Ивановичу Емичеву. Уроженец г. Слободского Вятской губернии, Емичев хорошо знал удмуртов, изучал их мифологию, образ жизни удмуртов, окружающую их природу, записывал обряды и задумывался об историческом пути этого народа: *«Любопытствуя узнать что-либо о вероисповедовании этих первообитателей моей лесной родины, я успел собрать некоторые черты их мифологии, и думаю, что малолюдное язычество, сохранившееся до нашего времени среди христиан, как черная капля в глубине светлого сосуда, достойно некоторого внимания».*

Алексей Иванович Емичев и Александр Сергеевич Пушкин бережно собирали по крупицам исчезающие народные обряды и рассказывали о них читателям журнала как о культурном достоянии России.

О пребывании А.С. Пушкина на территории Мордовии, в Игнатовском и Ардатовском районах, в период жизни поэта в Болдине сохранилось множество преданий.

Уроженец города Краснослободск Константин Иванович Савостьянов вспоминает встречу с Пушкиным: *«С ним я не виделся с 1829 г. до 1834, но я не могу умолчать о нашей примечательной встрече. Я возвращался с отцом моим из Петербурга в Пензенскую губернию... На одной станции по пути из Арзамаса до Лукоянова, в селе Шатках, отец мой во время смены лошадей вошёл в станционную избу позавтракать, а я, не совсем ещё*

освободившийся от болезненной слабости, оставался в карете до сих пор, пока отец прислал непременно звать меня войти в избу для какой-то особенной надобности.

Едва я отворил дверь станционного приюта, весьма некрасивого, как Пушкин бросился мне на шею, и мы крепко обнялись после долгой разлуки. В это время мы провели с ним целые сутки. Пушкин заехал ко мне в дом и с большим интересом рассказывал свежие впечатления о путешествии своём по Оренбургской губернии, только что возвратившись оттуда, где он собрал исторические памятники, устные рассказы многих свидетелей того времени, стариков и старух о Пугачеве.

Пушкин в эти часы был чрезвычайно любезен и весел. На покойного отца моего сделал он удивительное впечатление, так что он, вспоминая о Пушкине, часто говорил, что в жизнь свою он не встречал такого умного и очаровательного разговора, как у Пушкина».

Пушкин особо подчёркивает активность выступлений угнетённых самодержавием народов Поволжья, в том числе и мордвы. «Мордва, чуваш и черемисы, – сообщает он в третьей главе «Истории Пугачёва», и господские крестьяне вообще взбунтовались...».

Значительную часть материалов по Мордовии Пушкин извлёк из столичных архивов; некоторые документы – из Казанского архива; некоторые сведения сообщили Пушкину поэт Н.М. Языков и его братья, проживавшие в бывшем Корсунском уезде Симбирской губернии; часть материалов Пушкин получил от своего знакомого К.И. Савостьянова, который сообщает, что он «с Пушкиным имел переписку и доставлял ему некоторые сведения о бытности самого Пугачёва в городе Саранске и окрестностях его».

Несомненно и то, что Пушкин воспользовался и рассказами самих крестьян из мордвы. Известно, например, что поэт «беседовал с мордвином и записал 16 сентября (1833 года) его слова».

Рисунок: В.И. Лебедев «А.С. Пушкин в мордовском селе беседует с крестьянами»

Пушкин побывал на Кавказе дважды – в 1820 и 1829 годах. Кавказ восхищал и вдохновлял поэта:

*Во время, оное, бывшее!..
В те дни ты знал меня, Кавказ,
В свое святилище глухое
Ты призывал меня не раз.
В тебя влюблён я был безумно,
Меня приветствовал ты шумно
Могучим гласом бурь своих...*

В.Г. Белинский писал: «...С лёгкой руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною странюю не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии <...>! Муза Пушкина как бы освятила давно уже на деле существовавшее родство России с этим краем...».

Позже А.С. Пушкин признаётся: «Сам не понимаю, каким образом мог я так верно, хотя и слабо, изобразить нравы и природу, виденные мною издали». Критик В. Белинский сообщал в письме: «Кто был на Кавказе, тот не мог не удивляться верности картин Пушкина».

В стихах и поэмах Пушкина и, прежде всего, в бессмертном «Кавказском пленнике», Кавказ предстаёт как страна гордых свободолюбивых, чувственных, жестоких, прямодушных горцев:

*В ауле, на своих порогах,
Черкесы праздные сидят.
Сыны Кавказа говорят
О бранных, гибельных тревогах,
О красоте своих коней,
О наслажденьях дикой неги;
Вспоминают прежних дней
Неотразимые набеги,
Обманы хитрых узденей,
Удары шашек их жестоких,
И меткость неизбежных стрел,
И пепел разорённых сел,
И ласки пленниц чернооких...*

Пушкин объективно и даже с явной симпатией воспеваает горцев в «Кавказском пленнике». Поэт пишет:

*Но европейца всё вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленный наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил их жизни простоту,
Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных красоту,
И лёгкость ног, и силу длани...*

Эти строки Пушкин писал, когда на Кавказе шла война, и что «народ сей чудный» бился с русскими воинами, убивал их и захватывал их в плен, и что даже в этой строфе говорится о восприятии горцев русским пленником. Гений, двигавший рукой 22-летнего поэта, как будто предчувствует, что эта вражда преходяща, она уйдет, и народы, входившие в пространство империи, станут единой, хоть и разноплеменной семьёй.

Поэт особо подчеркивает, что воинственный дух горца сразу же исчезал, когда к нему обращался за помощью мирный странник, усталый путник:

*Когда же с мирною семьёй
Черкес в отеческом жилище
Сидит ненастною порой
И тлеют угли в пепелище;
И, спрянув с верного коня,
В горах пустынных запоздалый,
К нему войдёт пришлец усталый
И робко сядет у огня, –
Тогда хозяин благосклонный
С приветом, ласково, встаёт
И гостю в чаше благовонной
Чихирь отрадный подаёт.*

П.П. Соколов Скаля. Встреча А.С. Пушкина с телом А.С. Грибоедова на Кавказе

Пушкин хорошо понимал, что знакомство с Кавказом немыслимо без близких контактов с местным населением. Он встречается и изучает быт людей самых разных национальностей: калмыков, осетин, кабардинцев, грузин, армян, турок, азербайджанцев, представителей народов Дагестана.

В Арзруме поэт знакомится со старшинами чеченских селений и знаменитым предводителем горцев, предшественником Шамиля, Бей-булатом Таймиевым.

Свое отношение к чеченцам Пушкин выразил в неоконченной поэме «Тазит». Однажды некий Гасуб приходит в чеченский аул и вручает старику слабого младенца, чтоб *«воспитаньем из него он сделал храброго чеченца»*.

Через 13 лет старец-чеченец в день, когда Гасуб принимал соблезнования по поводу гибели своего старшего сына, возвращает Гасубу его сына Тазита: *«Труды мои ты сам оценишь...»*. Но...

Проходят дни... Среди родимого аула

Он как чужой...

...Отец Тазитом недоволен.

«Где ж, – мыслит он, – в нём плод наук,

Отважность, хитрость и проворство,

Лукавый ум и сила рук?»...

Ничего этого, что должно быть, по мнению Гасуба, в настоящем чеченце, в Тазите нет. Гасуб в недоумении, он не понимает, почему его сын не убил и не ограбил армянина, который один, без стражи, вёз товар в Тифлис; не понимает старик и того, что юноша, встретив на Кургане бежавшего от них раба, не притащил его на аркане.

Пушкин считает, что более надёжных соседей, чем чеченцы, на Северном Кавказе трудно сыскать. Чеченец вложил в Тазита высоконравственные качества. Увидев убийцу своего брата, Тазит отпускает несчастного, так как тот был «один, изранен, безоружен».

Для чеченцев закон чести всегда был выше закона кровной мести. Тазит не стал покрывать себя позором, отняв жизнь врага, истекающего кровью. Но Гасуб не хочет этого понимать и проклинает его.

Тазит возвращается к чеченцам. О том, какие нравственные ценности вложили в него здесь, и что значит быть настоящим чеченцем, мы узнаём, когда Тазит просит у отца своей девушки её руку:

*Я беден, но могуч и молод,
Мне лёгок труд. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный,
Твоим сынам кунак надёжный,
А ей – приверженный супруг.*

Чувство собственного достоинства, трудолюбие, верность и надёжность в любви и дружбе – это всё Тазит впитал от своего приёмного отца-чеченца.

В эпилоге к «Кавказскому пленнику» поэт обращается к горцам одновременно и с выражением сочувствия и с призывом к миру:

*Кавказа гордые сыны,
Сражались, гибли вы ужасно;
Но не спасла вас наша кровь,
Ни очарованные брони,
Ни горы, ни лихие кони,
Ни дикой вольности любовь!
Подобно племени Батыя,*

*Изменит прадедам Кавказ,
Забудьте алчной брани глас,
Оставит стрелы боевые.
К ущельям, где гнездились вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья тёмные молвы.*

Проезжая по земле древней Армении, А.С. Пушкин остановился на ночлег у совсем незнакомых ему людей, которые приняли его весьма приветливо, на что он обращает свое внимание:

«Дождь ливня лил на меня. Наконец из ближнего дома вышел молодой армянин и, переговорив с моим турком, позвал меня к себе, изъясняясь на довольно чистом русском языке. Он повёл меня по узкой лестнице во второе жильё своего дома. В комнате, убранной низкими диванами и ветхими коврами, сидела старуха, его мать. Она подошла ко мне и поцеловала руку. Сын велел ей разложить огонь и приготовить мне ужин. Я разделся и сел перед огнем... Скоро старуха приготовила мне баранину с луком, которая показалась мне верхом поваренного искусства. Мы все легли спать в одной комнате; я разлегся противу угасающего камина и заснул...». Это маленькая этнографическая зарисовка, показывающая быт простых людей Армении.

Восхищался Пушкин красотами Арарата. Спустившись с перевала и проделав ещё день пути, Пушкин вскоре стал свидетелем необычайного зрелища. *«Казак разбудил меня на заре... – пишет он в своём «Путешествии в Арзрум...» – Я вышел из палатки на свежий утренний воздух. Солнце всходило. На ясном небе белела снеговая двуглавая гора. «Что за гора?» – спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к его вершине с надеждой обновления жизни, – и врана, и голубицу, взлетающих – символы казни и примирения...».*

В середине мая и в августе поэт находился на территории Северной Осетии и оставил о своём посещении немало прекрасных строк в «Путешествии в Арзрум». Как отметил великий учёный XX века Васо Абаев: *«Без Пушкина, Лермонтова и без Некрасова Коста Хетагуров был бы невозможен».*

Он посетил горский аул и зафиксировал в дневнике: *«Мы достигли Владикавказа, прежнего Капкая, преддверия гор. Он окружён осетинскими аулами. Я посетил один из них...».* Здесь поэт увидел один из обрядов горцев, а потом использовал свои наблюдения в незаконченной поэме «Тазит».

Вот что писал об этом сам Пушкин: *«Я посетил один из них и попал на похороны. Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряжённая двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смирно. Мертвеца вынесли на бурке, положили на арбу. Один из гостей взял ружьё покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела. Вольты тронулись. Гости поехали следом. Тело должно было похоронено в горах. К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов».*

В «Путешествии в Арзрум» есть одна замечательная запись, наглядно свидетельствующая о живом интересе поэта к поэзии других народов: *«Голос песен грузинских приятен; мне перевели одну из них слово в слово; она, кажется, сложена в новейшее время, в ней есть какая-то восточная бессмыслица, имеющая свое поэтическое достоинство. Вот вам она:*

*Душа, недавно рождённая в раю!
Душа, созданная для моего счастья!
От тебя, бессмертная, ожидаю жизни.
От тебя, весна цветущая, от тебя, луна двухнедельная,
От тебя, ангел мой хранитель, от тебя ожидаю жизни.
Ты сияешь лицом и веселишь улыбкою.
Не хочу обладать миром; хочу твоего взора.
От тебя ожидаю жизни.
Горная роза, освежённая росой!
Избранная любимица природы!
Тихое потаённое сокровище!
От тебя ожидаю жизни».*

Это замечательный образец перевода грузинской народной песни».

Екатерине Багдавадзе. Пушкин в Тифлисе

Пушкин обратил внимание и на интернациональный состав жителей Тбилиси: «Город показался мне многолюден. Азиатские строения и базар напомнили мне Кишинёв. По узким и кривым улицам бежали ослы с перекидными корзинами; арбы, запряженные волами, перегораживали дорогу. Армяне, грузинцы, черкесы, персияне теснились на неправильной площади; между ими молодые русские чиновники разъезжали на карабахских жеребцах».

В 1820-1830-х годах Тифлис был крупным культурным и политическим центром Закавказья. Там жили и творили деятели грузинского, армянского и азербайджанского народов. И там с нетерпением ждали Пушкина. Газета «Тифлисские ведомости» писала:

«Теперь читающая публика наша соединяет самые приятные надежды с пребыванием А. Пушкина в стане Кавказских войск и вопрошает: чем любимый поэт наш, свидетель кровавых битв, подарит нас из стана военного. Подобно Горацию, поручавшего друга своего опасной стихии моря, мы просим судьбу сохранить нашего поэта среди ужасов брани».

В Тифлисе Пушкин отметил и своё тридцатилетие. Со светлым и радостным чувством покидал Пушкин Грузию, которую воспринял как составную часть любимой Отчизны. «Очаровательный край! – писал он. – Сколько я почерпнул истинной поэзии, сколько испытал разных впечатлений». До конца жизни Пушкин помнил Грузию, а в Грузии до сих пор помнят и чтят великого поэта.

Критик Белинский писал о поэте так, будто лёгкая рука Пушкина сделала Кавказ для русских желанной страной, где приветствуется раздольная воля, находится неисчерпаемая поэзия. Он уверен, что страна кипит жизнью смелых мечтаний, а муза поэта должна осветить существовавшее родство Грузии и Российской Империи.

Результатом посещения Кавказа Пушкиным явились очерк «Путешествие в Арзрум», несколько стихотворений, в том числе «На холмах Грузии лежит ночная мгла», «Кавказ», «Обвал», «Монастырь на Казбеке».

Пушкин на юге забавлялся тем, что переодевался в разные национальные костюмы: один день он – еврей, другой – цыган, третий – грек. Какой любовью к еврейской культуре дышат строки:

*В еврейской хижине лампада
В одном углу бледна горит,
Перед лампадою старик
Читает Библию. Седые
На книгу падают власы.*

Н. Трунилов. Пушкин в кавказском костюме

А стихотворение «Стамбул гяуры нынче славят» (гяуры – это люди, отрёкшиеся от ислама, враждебные ему) уже будто пишет природный мусульманин:

*Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят
И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой!*

Поэт осуждающе оценивает ситуацию в Турции, где под влиянием «лукавого Запада» предаются забвению «заветы старины», исчезают национальные традиции.

*Стамбул отрёкся от пророка;
В нём правду древнего Востока
Лукавый Запад омрачил –
Стамбул для сладостей порока
Мольбе и сабле изменил.
Стамбул отвык от поту битвы
И пьёт вино в часы молитвы...*

Русский православный человек, которому, казалось бы, и дела нет до того, что там творится в мусульманской стране (тем более, что Россия во времена Пушкина с ней воевала), вдруг забеспокоился о состоянии чуждой ему веры, о сохранности непонятных ему обычаев. В том-то и величие русского национального поэта! Он, считая всех людей братьями, мог объективно и с интересом, с внутренней симпатией смотреть на любой народ. Особенно это относится к народам, населявшим Россию.

Хорошо известно, что Александр Сергеевич Пушкин дважды проезжал через белорусские губернии. В первый раз – в 1820 году, когда писатель направлялся в ссылку из Петербурга в Кишинёв. Второй раз его путь лежал через Беларусь в 1824 году, когда он возвращался в родовое имение Михайловское под надзор полиции. Пушкин проезжал Могилев, Оршу, Витебск и другие города.

По свидетельствам современников, Александр Пушкин не раз заявлял, что Могилёв ему понравился. Особенно впечатлила архитектура, одежда жителей города, манера их речи.

Во время поездок он встречался и разговаривал с крестьянами, наблюдал их жизнь. Как следствие, в его произведениях встречаются белорусские топонимические названия, разные белорусские словечки.

В своей «Истории Пугачёва» Пушкин вспоминает «раскольничью» слободу Ветку. В «Борисе Годунове» можно найти: «Пей, да себя разумей», «Выпьем же чарочку за шинкарочку».

Существует мнение, что писатель подслушал такие лингвистические изюминки у своего управляющего Осипа Пеньковского, белоруса по происхождению. Современники утверждали, что прототипом главного героя романа «Дубровский» послужил обедневший белорусский дворянин Павел Островский, живший на Минщине, а затем сидевший в остроге в Витебске именно за те подвиги, которые и описываются в пушкинском романе.

Творчеством Пушкина восхищались многие белорусские писатели, в их числе – Франтишек Богушевич, Винцент Дунин-Марцинкевич, Максим Богданович, Янка Купала, Павлюк Трус, Змитрок Бядуля.

Кристина Гашко. Пушкин в Захарово

Дальше путь поэта лежал в Молдавию. Современный исследователь творчества Пушкина Лейзер Онекман пишет:

«Кишинёв того времени – молдавский город с многонациональным населением, о чём свидетельствует поэт:

*Теснится среди толпы еврей сребролюбивый,
Под буркою казак, Кавказа властелин,
Болтливый грек и турок молчаливый,
И важный перс, и хитрый армянин.*

Целую поэму поэт посвятил цыганам, которые «...шумною толпой по Бессарабии кочуют». Он две недели провёл в цыганском таборе.

Евсей Моисеенко. Пушкин с цыганкой

«Живя в Бессарабии, – пишет В. А. Мануйлов, – Пушкин учился цыганскому языку, знакомился с цыганскими песнями, записывал старинные молдавские предания и песни... «Черная шаль» – художественная переработка молдавской песни...».

На несколько дней он отправляется в лесной цыганский табор под Юрченами и живет в шатре булибаши (старосты табора). Позднее в эпилоге «Цыган» он будет вспоминать:

*«Встречал я посреди степей
Над рубежами древних станов
Телеги мирные цыганов.
В пустынях часто я бродил,
Простую пищу их делил
И засыпал пред их огнями.
В походах медленных любил
Их песен радостные гулы...»*

Необычность судьбы цыган побудила А. С. Пушкина дать примечания к поэме, в которых он пишет: *«Долго не знали в Европе происхождения цыганов; считали их выходцами из Египта – доньше в некоторых землях и называют их египтянами[49]. Английские путешественники разрешили наконец все недоумения – доказано, что цыгане принадлежат отверженной касте индейцев, называемых париа. Язык и то, что можно назвать их ве-*

рою, – даже черты лица и образ жизни – верные тому свидетельства. Их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностью, везде утомила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг – они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремёслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют ворожбой, пеньем и плясками. В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения...».

К своему примечанию он сделал дополнение о Бессарабии: «Бессарабия, известная с самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас.

Она Державиным воспета

И славой русскою полна.

Но доньне область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трёх путешественников».

В 1823 году Пушкин прибыл в Одессу. В его стихах того периода мы то и дело встречаем евреев, греков, татар, армян и представителей ещё десятка народов. Европейская и азиатские культуры перемешиваются в пушкинском образе Одессы, который мы находим в главе о путешествии **Евгения Онегина**:

Я жил тогда в Одессе пыльной...

Там всё Европой дышит, вееет,

Всё блещет югом и пестреет

Разнообразием живой.

Язык Италии златой

Звучит по улице веселой,

Где ходит гордый славянин,

Француз, испанец, армянин,

И грек, и молдаван тяжёлый,

И сын египетской земли...

Остановимся на пребывании Пушкина в Крыму. Берег Тавриды он увидел весной 1820 года из Тамани, и примечательно, что при этом написал: «С полуострова Таманя, древнего Тмутараканского княжества, открылись мне берега Крыма».

И. Айвазовский. Пушкин на берегу Черного моря

Не случайно, вероятно, Пушкин вспоминает бывший тюркский Тумен-Тархан – хазарский Самкерц, где даже во времена русских князей жили хазары, греки, армяне, аланы. Добравшись до Крыма, Пушкин живописует быт крымских татар:

*Повсюду труд весёлый и прилежный
Сады татар и нивы богаты,
Холмы цветут, и в листьях винограда
Висит янтарь, ночных пиров отрада.*

Он описывает, как татарские женщины ходят в гости друг к другу в праздник Курбан-байрам в праздничных белых паранджах:

*Покрыты белой пеленой,
Как тени лёгкие мелькая,
По улицам Бахчисарая
Из дома в дом, одна к другой
Простых татар спешат супруги
Делить вечерние досуги.*

Великий русский поэт с удовольствием общался с местными жителями – татарами, хвалил их простодушие. Возможно, под влиянием общения с крымскими и кавказскими мусульманами Пушкин заинтересовался Кораном, стал его читать на французском и на русском языках и написал в 1824 г. свои «Подражания Корану».

Пушкин внимательно, пристально изучал народы русского Севера. Сибири и Урала. Задумав писать роман про Ермака, он упорно и целеустремленно собирал исторические, этнографические, фольклорные материалы о ханты-мансийцах, эвенках (тогда их называли тунгусами), камчадалах, чукчах... Этот интерес у Пушкина был принципиальным. Он долго и серьёзно обдумывал слова английского посланника Джона Блая, который в разговоре с ним заметил: *«Ваше место Азия: там совершите вы достойный подвиг цивилизации...»*.

Поэт понимал, что есть в его словах «рациональное зерно»: как М.В. Ломоносов, он верил, что «могущество России будет прирастать Сибирью».

В библиотеке Пушкина имелись: «Сибирский Вестник», специальный журнал, посвященный Сибири и Северу, издававшийся известным географом Г.И. Спасским; пять томов «Полного собрания ученых путешествий по России...», где были напечатаны труды И.И. Лепехина и С.П. Крашенинникова; труд И.С. Палласа «Путешествия по разным местам Российского государства»; книга Г.И. Шелехова о его странствиях «по Восточному океану и вдоль Американского берега».

Сохранились подробные пересказы Пушкиным романов И.Т. Калашникова «Камчадалка» и «Дочь купца Жолобова» («роман, извлечённый из иркутских преданий»). Известны были поэту и книги сибирского краеведа Н.С. Щукина «Поездка в Якутск» и «Поселыцик. Сибирская повесть». В домашней библиотеке Пушкина нашлась книга очерков А.А. Бестужева «Сибирские нравы. Исых». Стихотворение этого автора «Саатырь. Якутская баллада» поэт готовит к опубликованию в журнале «Современник».

Судя по извлечениям, сделанным Пушкиным из всех этих источников, а также по его заметкам на полях книг, его волновали две темы:

- 1) русская колонизация Севера, Ермак и его «сподвижники» и продолжатели
- 2) быт и культура коренных насельников Севера.

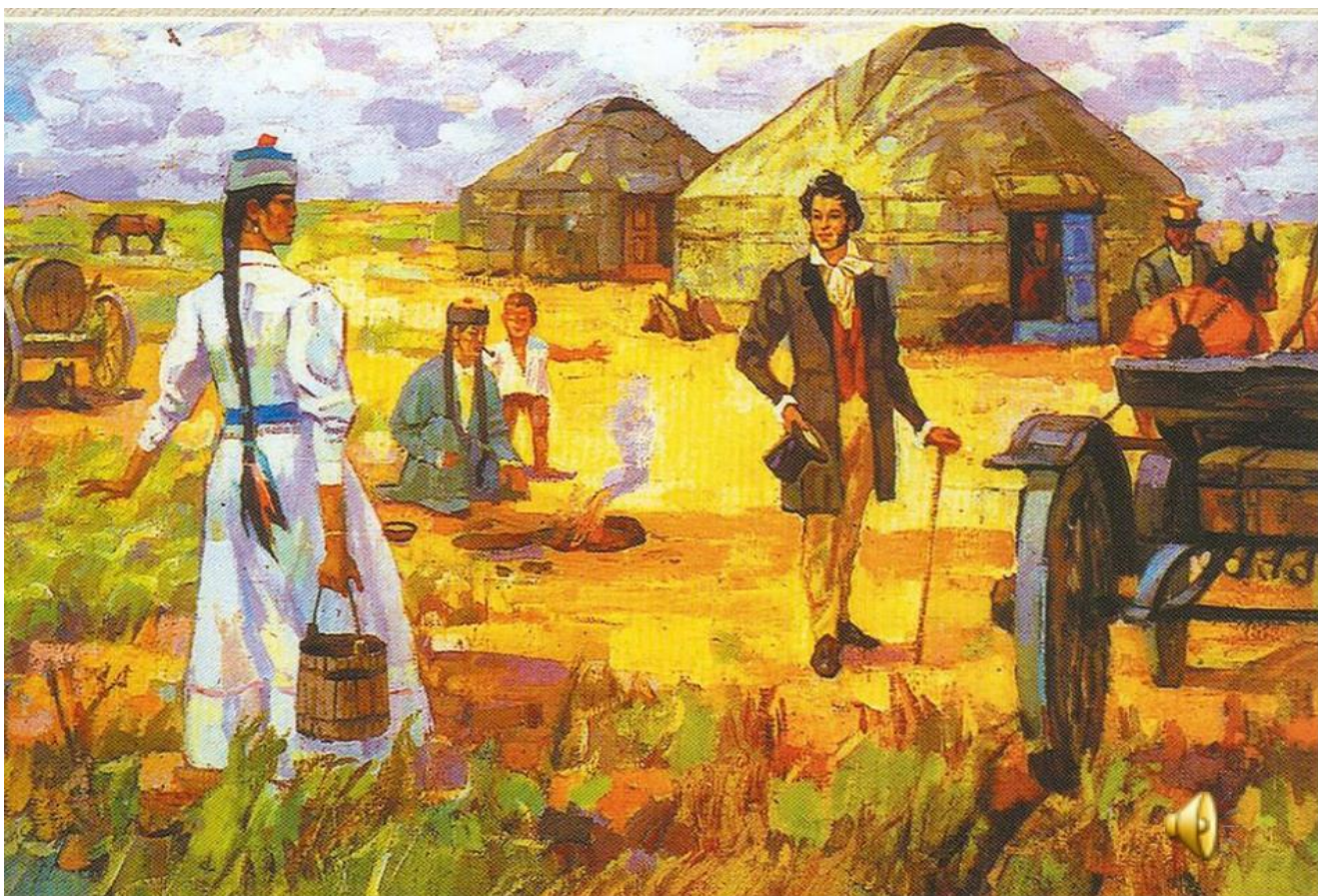
В черновом наброске «Цыган» есть такие строчки, передающие настроение Алеко, который размышляет о судьбе родившегося в условиях «цыганской вольности» сына:

*От общества, быть может, я
Отъемлю ныне гражданина –
Что нужды – я спасаю сына –
И я б желал, чтоб мать моя
Меня родила в чаще леса,
Или под юртой остяка,
Или в расселине утёса.*

Это упоминание о «юрте остяка» не случайно. Северные народы представлялись Пушкину такими же свободными, естественными, как цыганы, горцы, которым, «расти на воле без уроков», не зная «стеснительных палат», которые имеют счастье «не менять простых пороков на образованный разврат».

Из «Описаний земли Камчатки» Крашенинникова он извлекает и подробно пересказывает сообщения о жилищах и одежде коряков, об их способах рыболовства и охоты, об их «непорочных» взаимоотношениях, обычаях и праздниках. Особо он останавливается на их фольклоре, восхищается его «поэтической чистотой» и «первобытной нетронутостью». Любопытна следующая его запись:

«Молния редко видима в Камчатке. Дикари полагают, что гамулы (духи) бросают из своих юрт горящие головешки. Гром, по их мнению, происходит от того, что Кут (корякский Нептун) лодки свои с реки на реку перетаскивает, или что он в сердцах бросает оземь свой бубен... Смотри грациозную их сказку о ветре и о зорях утренней и вечерней».

Картина знаменитого ойратского – калмыцкого художника Гарри Олеговича Рокчинского

С калмыками поэт непосредственно общался, был гостем калмыцкой семьи в степной кибитке, отведывал национальное кушанье, правда, оно ему, привыкшему к русской кухне, не понравилось. Вот как описывает А. С. Пушкин свое посещение калмыцкой семьи по пути на Кавказ в 1829 году:

*«На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать; котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле неё. «Как тебя зовут?» ***“ – «Сколько тебе лет?» – «Десять и восемь». – «Что ты шьёшь?» – «Портка». – «Кому?» – «Себя». – Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью.*

Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа... Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад. Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи» («Путешествие в Арзрум»).

Поданный кусок сушеной кобылятины поэт с большим удовольствием проглотил. «После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием, подобным нашей балалайке. Вот к ней послание, которое, вероятно, никогда до неё не дойдёт...».

А.С. Пушкин был горячим поборником равноправия народов, их дружбы и, естественно, не считал зазорным принадлежность человека к тому или иному народу, лишь бы порядочным он был.

*Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, –
И тут не вижу я стыда;
Будь жид – и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин.
«Не то беда...»*

Поэт гордился своим предком (по материнской линии) – Ганнибалом, выходцем из Африки, «арапом» Петра Великого:

*Решил Фиглярин, сидя дома,
Что чёрный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки шкиперу попал.
Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля.
Сей шкипер деду был доступен.*

*И сходно купленный арап
Возрос усерден, неподкупен,
Царю наперсник, а не раб.
И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала
И пал впервые Наварин...*

А.С. Пушкин как мыслитель задумывался о судьбах не только народов своей страны, но и мира. И эту необъятную широту интересов, глубину проникновения его гения во все стороны жизни современного ему мира по достоинству оценил великий польский поэт Адам Мицкевич:

«Пушкин, коего талант поэтический удивлял читателей, увлекал, изумлял слушателей живостью, тонкостью и ясностью ума своего, был одарен необыкновенной памятью, суждением верным, вкусом утонченным и превосходным. Когда говорил он о политике внешней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человека, заматеревшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентских прений. Он нажил себе много врагов эпиграммами и колкими насмешками. Они мстили ему клеветой. Я довольно близко и довольно долго знал русского поэта; находил я в нём характер слишком впечатлительный, а иногда легкомысленный, но всегда искренний, благородный и способный к сердечным излияниям. Погрешности его казались плодами обстоятельств, среди которых он жил; всё, что было в нём хорошего, вытекало из сердца».

В заметке по поводу «Проекта вечного мира» аббата Сен-Пьера, относящейся ко времени пребывания в Кишиневе, он писал:

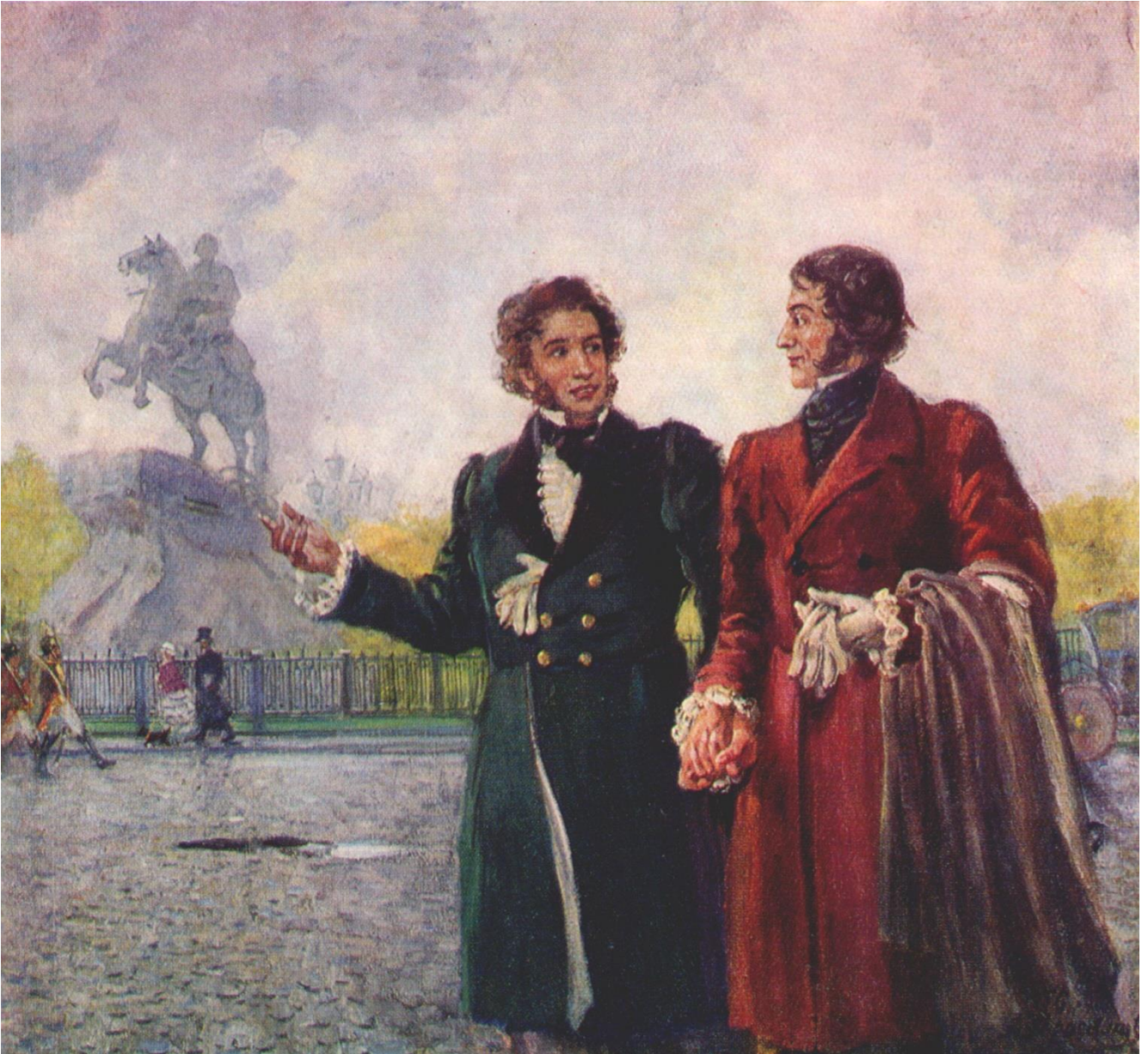
«1. Не может быть, чтобы людям со временем не стала ясна смешная жестокость войны, так же, как им стало ясно рабство, королевская власть и т.п... Они убедятся, что наше предназначение – есть, пить и быть свободными.

2. Так как конституции, которые являются крупным шагом вперёд человеческой мысли, шагом, который не будет единственным, – необходимо стремятся к сокращению численности войск, ибо принцип вооружённой силы прямо противоположен всякой конституционной идее, то возможно, что менее чем через 100 лет не будет уже постоянной армии.

3. Что касается великих страстей и великих воинских талантов, для этого останется гильотина, ибо общество вовсе не склонно любоваться великими замыслами победоносного генерала: у людей довольно других забот, и только ради этого они поставили себя под защиту законов» («О вечном мире»).

А.С. Пушкин вместе с великим польским поэтом А. Мицкевичем был убеждён, что наступит время,

*Когда народы, распри позабыв,
В великую семью соединятся.*

Александр Михайлович Герасимов. А.С. Пушкин и Адам Мицкевич

Написанное в 1836 году, но увидевшее свет только через 4 года после смерти поэта (в 1841 году), стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» давно уже считается одним из наиболее значительных в творческом наследии Пушкина.

Пушкин в своем поэтическом завещании выражал веру, что будет «любезен народу», в частности, тем, что в свой «жестокий век» «восславил свободу», он, во-первых, под словом «народ» имел в виду союз народов, населяющих Россию, а во-вторых, славил, конечно, свободу социальную, которая по его мнению, обеспечивает и свободу национальную. Если народ, объединяющий различные этносы, живёт в обществе, построенном по законам справедливости, он счастлив, богат, ему ни к чему раздоры и усобицы. Пушкин верил, что рано или поздно такое справедливое устройство общества в России будет достигнуто.

Он понимал, что и сам внёс свою лепту в это дело, чем несказанно гордился. Именно поэтому он мог сказать:

*Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык,
И гордый внук славян, и финн, и ныне дикий
Тунгус, и друг степей калмык.*

Перечислив четыре (вместе с русскими) народа, поэт точно указывает на главные этнические группы, входящие в состав российско-евразийской цивилизации – славян, финно-угров, тюрко-монгол и народов Крайнего Севера. Пушкин стремился отразить особенности национальных художественных культур, стилей и форм. В этом отношении он остаётся живым примером для поэтов нашего времени. Не случайно в стихотворении Плещеева, посвящённом памяти Пушкина, с печалью, но величественно звучат слова:

*Ты рано смолк, но в памяти народной
Ты не умрёшь, возлюбленный поэт.*

Николай Доризо в стихотворении «Пушкин» подвёл справедливый итог изучению и переосмыслению «Памятника». Цитируя строку «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», он спрашивал себя:

*Как мог при жизни
Он сказать такое?
А он сказал
Такое о себе –
В блаженный час
Счастливого покоя,
А может быть,
В застольной похвальбе?
И не была ли эта уверенность в себе самодовольством от
читательских похвал?
Нет!
Эти строки
С дерзостью крамольной
Как перед казнью узник,
Он писал!
В предчувствии*

*Кровавой речки Чёрной
Печален и тревожно одинок –
«Я памятник себе воздвиг
нерукотворный...»
Так мог сказать
И мученик,
И Бог!*

Александр Михайлович Кравчук. Пушкин на Мойке

Пушкинские параллели

*«Пока в России Пушкин длится,
Метелям не задуть свечу».*

Давид Самойлов

Вячеслав Александрович Таранов. Пушкин

Мастерами слова созданы поэтические «памятники» Пушкину. Вспомним имена А.А. Ахматовой («Пушкин», «Городу Пушкина»), А.А. Блока («Пушкинскому дому»), М.И. Цветаевой («Стихи к Пушкину»), Б.Ш. Окуджавы («Александр Сергеевич», «Счастливчик Пушкин»)...

Тайна безмерного обаяния Пушкина, по мнению Д. С. Лихачёва, в том, что он по сей день является образцом доброты и таланта, смелости и простоты, демократичности, жизнелюбия, верности в дружбе, бескрайности в любви, уважения к труду и людям труда. Он «в каждое мгновение жизни, в каждой её песчинке видел, ощущал, переживал огромный, вечный вселенский смысл. И потому он не просто любил жизнь во всех её проявлениях, жизнь была для него величайшим таинством, величайшим действием. И потому он был велик во всем: и в своих надеждах, и в своих заблуждениях, и в своих победах, и в своей любви к людям, к природе, в любви к Родине, к её истории, её будущему».

В 80-е годы XX века была написана книга «Венок Пушкину», куда вошли стихотворения советских поэтов, посвятивших их Александру Сергеевичу. Как говорил И.А. Фогельсон, *«поэзия Пушкина проникла во все уголки России»*.

Ею восторгались украинцы Тарас Шевченко и Иван Франко, она вдохновляла казахского просветителя Абая Кунаибаева, мотивы и идеи пушкинской поэзии звучали во вдохновенных строках азербайджанского поэта Мирзы Фатали Ахундова и грузинского классика Ильи Чавчавадзе. Особенно дорог и близок стал Пушкин многонациональной семье советских поэтов. Послушайте их голоса:

Анна Ахматова

Пушкин

*Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?*

Мирза Фатали Ахундов (Азербайджан)

*Чертог поэзии украсил Ломоносов,
Но только Пушкин в нём
господствует один.
Страну волшебных слов завоевал Державин,
Но только Пушкин в ней
державный властелин.
Пусть Николай царит от Волги до Китая,
Но покори́л весь мир лишь Пушкин-исполин.*

Вера Бенедиктова (Белоруссия)

Прощальная краса

*Становится всё ближе и роднее
Поэт – Великий Пушкин – среди нас.
Река Любви с веками не мелеет:
Читаем Пушкина мы будто в первый раз...
Век технологий, инноваций строгих
Не зачеркнёт все лучшие черты:
Они воспеты в чаяньях народных-
Берём у Пушкина уроки красоты!
«О, пышное природы увяданье...
В багрец и золото одетые леса».*

*Пора осенняя – “очей очарованье”,
“Приятна мне твоя прощальная краса»!*

Флор Васильев (Удмуртия)

У последнего портрета Пушкина

*Сидит поэт, задумавшись глубоко,
Он утомлён житейской суетой,
Морщины резкие легли до срока
На лоб его высокий и крутой.
Судьба упряма – не поспоришь с нею.
Он видит всё: конец неотвратим.
И он, прощать обиду не умея,
Смеётся над обидчиком своим.
За окнами предвестьем близкой стужи
Гуляет ветер, гонит колкий снег.
Всё реже письма... круг друзей всё уже,
Со многими простился он навек...
Кольцо сомкнулось яростно и немо,
И разомкнуть его не суждено.
Всё ниже в тучах делается небо,
Как будто сжато обручем оно.
И всё же ни о чем жалеть не надо.
Не все, быть может, радости ушли.
На полках книги – вот его отрада,
И тонкий лучик солнца – Натали.
Глядит вослед он облакам бегущим,
Земной простор глазам его открыт...
Сквозь дымку лет со мною о грядущем
Поэт усталый молча говорит.*

Расул Гамзатов (Дагестан)

Слова свободы, мужества и гнева

...Ты слышишь, Пушкин!

Мы тогда впервые

С тобой сдружались, как с живым живые.

Нам юноша принес из дальней дали

Напевы, о которых мы мечтали.

Через пороги лет и рек суровых

Твой стих настиг аварцев чернобровых.

Аварки смело открывали лица,

Чтобы к тебе с вопросом обратиться...

Пора ученья для меня настала.

В Москве я молча встал у пьедестала.

И поклонился до земли тебе я,

И так сказал, волнуясь и робея:

– У нас в горах поэзия в почёте.

Вы, Пушкин, там стихи свои найдёте

В любом доме, в любом ауле дальнем,

В любой библиотеке и читальне.

Вы в каждой школе смотрите с портрета,

И вашим взглядом детвора согрета

И слушает ребенок увлеченный

Рассказ о том, как ходит кот учёный,

И в каждом сердце, Пушкин, вы прочтете

Свои стихи. Они у нас в почёте.

Так я сказал. И горы повторили,

Мой слабый голос удесятирили.

Иван Гоголев (Якутия)

Встречи с Пушкиным

отрывок из поэмы

И вот,

серафим шестикрылый

В мой язык неуклюжий

Вложил все земные напевы,

Волшебную слова суть.

И вот,

Мой язык стал гибким,

Как язычок хомуса,

Как звон распустившейся ветки,

Упругой и молодой.

И вот, зазвучало слово

Веселой грозой весенней,

Влагой готово излиться

На высохшие поля.

Ни жив и ни мёртв лежал я

И вот,

серафим шестикрылый

Три раза взлетел надо мною,

И слышал я трубный глас:

«Восстань, о, певец народа!

Воспрянь от безгласной доли,

Не гнись перед грубой силой,

Людской не страшись хулы!

Гони клевету и подлость,

Гори светлым пламенем правды,

Не бойся судьбы ударов

И падающего поддержи!

Берись за правое дело,

*Борись за добро и веру,
И в гулкий колокол мира
Бей и ты!»*

Джамбул Джабаев (Казахстан)

Песня о Пушкине

*Горишь ты алмазом, цветёшь, как рубин,
Поэзии русской могучий акын.
Жемчужины песен ты миру создал,
Из чёрного века твой гений сверкал.
Трусливая свора придворных царя
Гнала тебя в горы, презреньем даря.
Не в битве великой и не от меча,
Погиб ты от грязной руки палача.
Но что тебе смерть, если песня жива?
Сияют твои золотые слова.
Сто лет пронеслось, как тебя погребли,
Ты стал всенародным акыном земли.
Читают тебя с упоеньем в глазах
Башкир и туркмен, белорус и казах.
Из песен твоих не забыть ни одной.
Ты, Пушкин, народному сердцу родной!
Ты в век наш врываешься музыкой слов,
Сияньем зари, ароматом цветов.
Живём мы всё лучше и всё веселей,
Греми же, бессмертный, как жизнь, Соловей!*

Николай Доризо

Всё в нём Россия обрела –
Свой древний гений человеческий,
Живую прелесть русской речи,
Что с детских лет нам так мила, –
Всё в нём Россия обрела.
Мороз и солнце... Строчка – ода.
Как ярко белый снег горит!
Доныне русская природа
Его стихами говорит.
Всё в нём Россия обрела –
Своей красы любую малость.
И в нём увидела себя,
И в нём собой залюбовалась.
И вечность, и короткий миг,
И радость жизни, и страданье...
Гармония – суть мирозданья,
Лишь он один её постиг!
Всё в нём Россия обрела,
Не только лишь его бессмертье, –
Есенина через столетье,
Чья грусть по-пушкински светла.
Всё в нём Россия обрела, –
Свою и молодость, и зрелость,
Бунтарскую лихую смелость,
Ту, что веками в ней жила, –
Всё в нём Россия обрела.
И никогда ей так не пелось!

Сергей Есенин

Пушкину

*Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.
Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.
Но эти милье забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.
А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.
Но, обречённый на гоненье,
Ещё я долго буду петь...
Чтоб и моё степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.*

Бахтиёр Ирмухамедов (Узбекистан)

Пушкину

*Запомнив чудное мгновенье,
Ты описал его в стихах,
И потому не знаешь тленья,
Хотя давно истлел твой прах.
Любил ты искренно и нежно
И жил, чтоб мыслить и страдать,*

*И вёл в грядущее мятежно
Свою рифмованную рать.
Ты был владыкой всякой темы
И сам являлся ей канвой;
На зависть все твои поэмы
И донжуанский список твой.
Ещё под сводами лица
К тебе являлись в явь и в сон
Неугомонная Цирцея
И непреклонный Аполлон.
И Вакх, тобой не отрицаем,
Дарил тебе певучий слог,
Который был непроницаем
Для тех, кто разумом убог.
Ценил ты дружбу и застолье,
И Терпсихору уважал,
И воспевал любви раздолье,
Её улыбку и кинжал.
Ты видел, как во время бури
Стояла дева на скале,
Подобно греческой скульптуре,
Белея магией во мгле.
И ты изрёк, она прекрасней
Небес и волн, и всех стихий –
И стал слагать всё сладострастней
Свои волшебные стихи.
И закружились в дивном танце
Руслан, Людмила, Черномор
И русский дух, и иностранцы,
И быль, и сказочный фольклор,
И образ призрачный Заремы,*

И силуэт минувших грёз,
И Пугачёвские проблемы,
И верной Лариной вопрос,
И шамаханская царица,
И кот учёный на цепи,
И уstraшённая орлица,
И табор в сумрачной степи,
И Годуновские терзання,
И медный всадник у Невы,
И обречённые признанья,
И гарь украинской травы,
И дамы пиковой ухмылка,
И выстрел Сильвио, и пир
Чумной, и взор арапа пылкий,
И всячь отправленный кумир,
И вновь разбитое корыто,
И мгла ночная на холмах,
И роковая страсть джигита,
И гул времен на письменах,
И казус домика в Коломне,
И руд сибирских глубина,
И те, кого уже не помнят,
И те, о ком поет страна,
И Моцарт, будто убиенный,
И нравы западных славян,
И рыцарь, скряга незабвенный,
И поп, и царь, и Дон Жуан,
И много разных персонажей,
Рожденных в Болдино и там,
Где все навеяно пропажей,
Что не доверено словам.

Шедевров было бы и больше,
Но объявился вдруг Дантес
И в свете стал себя топорищить
Как предводителя повес.
Такие мнят себя и целью,
И солью неба и земли...
И всё закончилось дуэлью
Во имя чести Натали.
Но удалось тебе красиво,
Наперекор шальной судьбе,
На радость матушке-России
Воздвигнуть памятник себе.
Пытались многие Пегаса,
Как ты, игриво оседлать
И водрузить на пик Парнаса
Свою лирическую статью.
Но не достиг твоей вершины
Никто до нынешней поры:
Ведь не придуманы аршины,
Чтобы постичь секрет горы,
На коей ты стоишь велико
И не страшишься бурь и гроз,
Как не боялся мести дикой
И прочих мелочных угроз.
Я повторю тебе простое,
Входя уверенно в твой клан:
Спасибо, брат, что удостоил
Своим присутствием землян.

Ханиф Карим (Башкирия)

Пушкин живёт

Он пел о Родине, её сынах,
О горцах, о цыганах смуглолицых.
Татарин и тунгус, башкирин и казах –
Ты всех найдёшь на пушкинских страницах.
Он и сегодня радует сердца,
Он разделяет все стремленья наши,
Зовёт нас лира вещего певца
К тому, чтоб жизнь была светлей и краше;
К тому, чтобы народы всей земли
Навек былые распри позабыли,
Чтоб люди вольно жили и росли:
Во имя счастья общего творили...

Берды Кербабаяв (Туркменистан)

У памятника А.С. Пушкину в Ашхабаде

Из города проснувшегося – прочь,
Едва рубины в небе заиграли,
Бежала потревоженная ночь,
Созвездья пряча в складках чёрной шали.
Я на прогулку вышел в ранний час, –
Весна гостила в городе у нас.
И развернулся алый венчик розы,
И захлебнулся песней соловей,
И солнечные острые занозы
Сверкнули в тёмной зелени ветвей...
О, город мой! О, вешняя прохлада
Садов широкошумных Ашхабада!
О, юность седоусых стариков
И мудрая отвага молодёжи!

Но торопливый стрекот молотков,
И посвист пил, на музыку похожий,
И хор согласный множества машин
В саду ловил я слухом не один:
Там, в сторону отеческого края
Взор устремив сквозь толщу стольких лет,
Стоял, главы подъятой не склоняя,
Одетый в бронзу северный поэт.
И мнилось мне: что смерть певцу свободы?
Он из бессмертья смотрит в наши годы!
Не смерть, а жизнь в чертах его лица!
Здесь пешеход сменяет пешехода
И шепчет строки русского певца
На языке родимого народа,
Горя его огнём... И потому
Я благодарно кланяюсь ему.
Великого народа сын могучий,
Он – мысль его, глагол его живой.
Никто с такою силою певучей,
Никто с такой любовью огневой,
Так вдохновенно – до его прихода –
Не славословил русского народа.
Есть крепкая меж ним и нами связь.
Когда печаль мне втайне сердце гложет,
Перо моё дрожит, остановясь,
И воплотиться замысел не может,
Его речам я внимлю в тишине,
И силы пробуждаются во мне.
Он с нами, наш вожатый ясноликий, –
В какие дали свет его проник!
«Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,

И назовёт меня всяк сущий в ней язык...»

Я, скромный ученик его, ликую,

Читая надпись эту золотую.

Тебе, учитель, слава и почёт

В любом краю Советского Союза,

И в памяти народной не умрёт

Твоя неувядающая муза;

Ей внемлет русский, белорус, грузин,

Туркмен, якут, литовец, армянин...

О, вспомни, вспомни тяжесть крыльев чёрных

Имперского двуглавого орла!

Нет, не таил ты мыслей непокорных,

Нет, не склонял ты гордого чела –

Ты звучно пел о Родине любимой,

Жестоким самовластием гонимый.

Взгляни: тобою чаемая сила

Преобразила край твоих отцов

И племена другие одарила

Бесценным жемчугом твоих стихов;

Советскому народу в дни сражений

Служил поддержкой твой бессмертный гений.

Глубок и ясен смысл речей твоих.

В который раз клеветникам России

Бросаешь ты в лицо свой гневный стих?

В который раз, как трубы золотые,

Слова твои с народной песней в лад

На пиршествах торжественных звучат?

Когда наш дух пылает жаждой знания,

Когда за мир мы боремся, когда

Увлечены мы делом созиданья

На поприще вседневного труда,

Глашатай жизни – ты повсюду с нами,
Свободного отечества сынами.
Смычки поют, и занавес плывёт.
С Онегиным на сцену входит Ленский,
И на устах певца твой стих живёт,
Он прозвучит сегодня по-туркменски...
Дутар звенит в ауле, как ручей,
В согласье с музыкой твоих речей.
Из-под искусных пальцев коврощицы
Проглядывает яркий облик твой...
О друг наш светлоглазый, смуглолицый,
Ты жив! Твоим народом и Москвой
Протянуты к нам дружеские руки.
Для нас не будет никогда разлуки!
Хвала народу русскому! Твой гений
Он выпестовал на груди своей.
Алеют розы... Праздник твой весенний
Встречает громкой песней соловей.
Не позабыт твой подвиг благородный,
Ты славою увенчан всенародной!

Давид Кугультинов (Калмыкия)

Пушкин

Да как же он, стремясь к великой цели,
Во весь размах своих могучих крыл,
Вдруг предрассудку века уступил
И оборвал до срока на дуэли
Жизнь, важную для нас,
для всех вокруг?.. –
Спросил меня поэт, мой юный друг.
И правда, ради пользы всей земли,

Искусства соблюдая интересы,
Не лучше ль было разрешить Дантесу
Пятнать прекрасный облик Натали,
Простить ему всю низость,
все бесчестье
И пренебречь свою личную местью?..
А то ещё и жалобу подать,
Упечь врага ну... на пятнадцать суток,
А самому за этот промежуток
Стихи о чести начертать в тетрадь,
Чтобы нехватка жизненной отваги
Восполнилась хотя бы на бумаге?
Да, мудрый Пушкин видел их насквозь.
Он знал: ничтожны эти человечки,
Он изучил коварство их и злость
И всё ж пришёл на берег Чёрной речки –
Сразить врага
иль бездыханным пасть...
Так честь велела. Так велела страсть.
Он, как гривастый африканский лев,
Пустыню потрясавший громом рыка,
Был полон жаждой мщенья великой
И не пытался усмирить свой гнев.
Жандармы, царь, повадки их шакальи
Пред ним в едином образе предстали.
И мог ли он, в ком клокотала кровь,
Благоразумно сберечь свой гений,
Предать себя, предать свою любовь,
Чтоб удлинить собранье сочинений?
Чтоб к бронзе прирастить ещё вершок,
От мщенья отказаться?.. Нет, не мог!

Да, он поэт, велик и потому,
Что высшей совести и страсти цельной
Был верен неизменно, безраздельно,
И это не перечило уму,
Что он, премудрый, взрывчат был,
как порох...
Вот почему тебе и мне он – дорог!
Любовь его, как солнечный восход,
Воображение согревает наше.
И тот, кто сомневается в Наташе, –
Не сторону ль Дантеса он берёт?..
Ведь Пушкин верил ей, идя к барьеру...
Кто ж смеет посягать на эту веру?..
Мой юный друг, и я скорблю о том,
Что страшная
свершилась катастрофа...
Хотел бы я, раскрыв любимый том,
Увидеть там нечитанные строфы
И знать, что Пушкин дожил до седин –
Счастливый муж,
спокойный семьянин...
И всё ж пред миром Пушкин не в долгу.
Суровым судьям я его не выдам!
Нет, гения винить я не могу,
Что он, земным подверженный обидам,
Метался и страдал куда лютей,
Чем ты да я, чем тьма других людей...
Он пал в борьбе
с тупой жестокой силой,
И смерть его – поверь! –
прошла не зря:

*Она для нас навек соединила
Чеканный ямб с бесстрашьем бунтаря – Затем, что слиты и друг в друга влеты
Стихи поэта и судьба поэта.*

Артур Моро (Мордовия)

*Опять Москва и день осенний...
Шум листьев на Тверском бульваре...
Вокруг играют блеск и тени,
И сердце – в радостном пожаре.
Вновь Пушкин, с львиной головой,
Встал предо мной, могуч и славен.
Гордится вся земля тобою,
Тобой гордится и зрянин.
Пилотку я свою снимаю
Перед тобой певец-кудесник.
И тихо голову склоняю:
– Благослови меня на песни.*

Булат Окуджава

Не представляю Пушкина без падающего снега
*Не представляю Пушкина без падающего снега,
бронзового Пушкина, что в плащ укрыт.
Когда снежинки белые посыплются с неба,
мне кажется, что бронза тихо звенит.
Не представляю родины без этого звона.
В сердце её он успел враспи, как его поношенный сюртук зелёный,
железная трость и перо – в горсти.
Звени, звени, бронза. Вот так и согреешься.
Падайте, снежинки, на плечи ему...
У тех – всё утехи, у этих – всё зрелища,*

а Александр Сергеича ждут в том дому.
И пока, на славу устав надеяться,
мы к благополучию спешим нелегко,
там гулять готовятся господа гвардейцы,
и к столу скликает «Вдова Клико»,
там напропалую, как перед всем светом,
как перед любовью – всегда правы...
Что ж мы осторожничаем?
Мудрость не в этом.
Со своим веком можно ль на «вы»?
По Пушкинской площади плещут страсти,
трамвайные жаворонки, грех и смех...
Да не суетитесь вы!
Не в этом счастье...
Александр Сергеич помнит про всех.

Владимир Попов (Коми)

А в жизни такое бывает:
Я книгу его открываю, –
Он сердце, как мир, раскрывает,
И я обо всем забываю.
Тот мир
Величав и бездонен,
Я чувствую радость и муку,
Как будто сжимаю в ладони
Его неостывшую руку.
Першит пересохшее горло,
Я слезы смахну – не украдкой.
Он пишет о горе –
Мне горько,
Он пишет о счастье –

*Мне сладко.
А утром – белы перелески,
И я
Очарованной ели
Кричу, отстранив занавески:
– Мы с Пушкиным ночь просидели!
Он снова прийти
Обещает,
Я жду его вновь у порога,
И так он меня навещает
И в счастье,
И в смертной тревоге.*

Николай Рубцов

О Пушкине

*Словно зеркало русской стихии,
Отслужив назначенье свое,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая её...*

Игорь Северянин

Пушкин

*Есть имена, как солнце! Имена –
Как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном, в любые времена!
Но понимает ли моя страна –
Все эти старцы, юноши и дети, –
Как затруднительно сказать в сонете
О том, кем вся душа моя полна?
Его хвалить! – пугаюсь повторений...*

*Могу ли запах передать сирени?
Могу ль рукою облачко поймать?
Убив его, кому все наши вздохи?
Дантес убил мысль русскую эпохи,
И это следовало бы понять...*

Сулейман Стальский (дагестанский ашуг)

*А мы – мы все идем рекой большою,
Советские поэты, за. тобою.
И твой подьемля меч и твой беря шелом,
Мы бьем тебе челом.*

Максим Рыльский (украинский поэт)

*Великий Пушкин, гений твой
Мы чтим сегодня всей страной.
Ты в дом вошёл к нам, как родной,
И друга мы в тебе признали.*

Тициан Табидзе (Грузия)

Александр Пушкину

*На холмах Грузии играет солнца луч.
Шумит Арагва, как бывало.
Здесь, на крутой тропе, среди опасных круч,
Мысль о тебе – как гул обвала.
Мы знаем счастье. Мы помним этот миг,
Когда любимой обладали,
И, полный песнями, изнемогал тростник,
И млели розы Цинандали.
Сто лет уже прошло, и тысяча пройдет,
Но пред тобой бессильно время,
И слава звонкая по следу путь найдет*

От Эльбруса до Ванкарема.
Погибельный Кавказ! Его живой красы
Ты не узнал бы в наши годы,
Счастливых этих гор не раздирают псы,
Насильники людской свободы.
Ты не услышишь вновь печальной песни той, –
Ее красавица допела.
Протяжный гул работ владеет высотой,
Жизнь молодая закипела.
Пройди мою страну всю из конца в конец,
Куда лишь может свет пробиться,
Везде отыщется горячих пуль свинец
Сразить жандармского убийцу.
Я встану, как хевсур старейший, у котла,
Чтоб в чашу первую, запенясь, потекла
Струя кипучего веселья.
И слово я скажу заздравное над ней
В честь храбрых прадедов
и в честь советских дней,
О Пушкине и Руставели.
Два гения войдут в один могучий сплав,
Два мощных первенца народа,
Чтоб зазвучал напев, крылат и величав,
И неподкупен, как свобода.
Пусть, как созвездия, горят они вдвоем
Над родиной счастливой нашей.
Мы в память Пушкина и Руставели пьем
И чокаемся звонкой чашей.

Габдулла Тукай (Татарстан)

Пушкину

*Себе ты равных не имел, поэт вольнолюбивый!
Всегда душе моей близки твоей души порывы.
Деревья, камни – всё вокруг, тебя услышав, пляшет.
Коснется слуха звонкий стих – на сердце радость ляжет.
Я с ярким солнцем бы сравнил твои стихотворенья.
Бог столько сил в тебя вложил, исполнил вдохновенья!
Моя душа не знает тьмы: ты жизнь в нее вселяешь,
Как солнце – мир, так душу ты стихами озаряешь!
Я наизусть твердить готов твои произведения,
Вкушать плоды твоих садов, влюбляться в их цветенье.
От деревца до деревца я теми брел садами
И восхищался без конца твоими соловьями.
Душе ты – радость, взору – свет, так будь в веках прославлен,
Пусть будет памятник, поэт, тебе в сердцах поставлен!
Идти повсюду за тобой – мой долг, мое стремленье,
А то, что веры ты другой, имеет ли значенье?
Моя душа близка твоей, но так различны силы!
О если бы такой талант судьба мне подарила!*

Жамсо Тумунов (Бурятия)

У памятника Пушкину

*Вы – сокровище русских людей,
Образ ваш величав и спокоен!
Перед вами питомец степей,
Скотовод, литератор и воин.
А отец мой – в колхозе столяр,
Мать хлопочет, вся предана внукам:
Скоро братья и сестры, как я,
Обучаться поедут наукам.*

Свой родной малахай на меху
Перед вами с почтеньем снимаю, –
Никакому иному стиху
Я с восторгом таким не внимаю,
Вдоль по улицам нашей Москвы
Прохожу я и думаю часто:
«Как случилось, что молоды вы,
Хоть по возрасту вам полтора ста?»
Может статься, ваш друг Кюхельбекер
Под могучими соснами пади
Повторял ваши строфы в том веке,
И внимал ему темный мой прадед.
На Ононе, быть может, в изгнание,
Коченея от ветра и стужи,
Ваше полное веры посланье
Прочитал ему добрый Бестужев.
Мы услышали вас, и с тех пор
Дружелюбием поэта и брата
На просторе степном у озер
Согревается юрта арата.
Я же с вами знакомство завел
Зимним вечером в юрте-читальне,
Вашу книгу привез комсомолец
В наш улус, и холодный и дальний.
Да, вы были у нас не в гостях,
Вы живёте на нашем Ононе.
Помню – в юности в ранней, в степях,
По ночам мы пасём наших коней
Или вечером ясным, в мороз,
Возим сено по снежной дороге,
И январских сияющих звезд

*В небе искрятся тысячи многие.
Мы любуемся их красотой
И дивимся, какая их сила!
Только ваше сиянье собой
И небесные звезды затмило.
Но за годом проносится год...
Вот идем мы под знаменем нашим
В незабвенный победный поход...
За спиной – Бородинские пашни...
Мы зелёной весной взошли
На крутые руины Берлина,
Мы с собой ваши строки несли,
С вами сердце спилось воедино.
И теперь, если роем канал
Иль сажаем от ветра преграды,
Чтобы край недорода не знал, –
Вы среди комсомольской бригады.
Хорошо сознавать: это вы,
Это вашего имени площадь.
Над широким простором Москвы
Стих ваш знаменем вольным полощет.
Плащ, однако, у вас запылен;
Вы дорог исходили немало,
Вас видали и Днепр, и Рион,
Дюны Балтики, скалы Урала.
И родная моя сторона
Жадно к вам простирает объятья,
К вам любовью горит и она –
Пробужденная наша Бурятия.
Дайте мне вашу руку пожать,
Вечно юный наш друг и учитель!*

*Вы советскому сердцу под стать,
Вы в грядущее бодро смотрите!*

Мирзо Турсунзаде (Таджикистан)

*Ты стал народу моему,
Ты – на таджикском языке –
Живёшь у нас в любом доме.
Как солнце, озаряешь мир
Ты человечеству всему.
Ты солнце мира, Вера ты
В надежду славы и добра.
Так стой, всегда на счастье нам
Несокрушимо, как гора!
Я слышу вечный голос твой
В кипенье горных родников,
В цветенье хлопковых полей.
В дыханье утренних садов.
Таджикистан отозвался
Тебе миллионом голосов,
Во имя счастья, для судьбы
Вперёд летя без перемен.
Навек твой гений на крыле
Страны моей запечатлён.*

Алымкул Усенбаев (Кыргызстан)

Пушкину

*Пред гением Пушкина я преклоняюсь,
Стихи его звучные любит народ,
Со дня его смерти столетье промчалось,
Но слово поэта в народе живет.
Пройдут и века, но бессмертную музу*

*В сердцах сохранит Ала-Тоо народ.
Лилась его песня рекой полноводной,
Свободно он пел, как поет соловей.
Душа была вольному ветру открыта,
Веселому звону зеленых ветвей.
Был путь его прерван внезапной смертью, –
Последнюю песнь не допел соловей.*

Кнарик Хартавакян (Армения)

Александр Пушкину

*Благоговею и немею,
Поэт, пред гением твоим.
Хочу стихом воспеть – не смею:
Мой дух сомнением томим.
Как необъятное объемлю,
Великое смогу постичь?
В безмолвии тебе я внемлю.
Твоих высот дано ль достигь?!
Изящность выпренного слога
И речи ясность, простоту
Дарует пушкинское слово,
Нам открывая красоту.
И, очарованные, внемлем,
И зрим тебя во славе дней...
Вновь, обходя моря и земли,
Глаголом жги сердца людей!*

Коста Хетагуров (Осетия)

Салам. Посвящение А.С. Пушкину

*Не дал нам бог благословенья,
Наши головы уже не в нашей воле
И хорошо сказать не можем
Тебе, но прости нам это.
Наш разум – короток, сердце подавлено горем,
Как усталый человек, бессильно наше слово...
Ты слишком велик, чтоб быть отцом нашего народа,
Наши горы недостойны тобой, им созданной славы.
Твоя жизнь будет жива, пока будет жить род людской.
Твоя жизнь уже теперь равна 100 жизням.
На земле ты совершил все славные дела,
Свою башню ты воздвиг.*

Педер Хузангай (Чувашия)

Пушкин

*Как часто в дни, когда я дома
С самим собой наедине, –
Не с книжной полки пыльным томом, –
Живым приходит он ко мне!
Горят каштановые пряди
И синеватые белки.
Порыв и мудрость в каждом взгляде,
Движенья быстры и легки.
И эти пальцы... я впервые
Как будто ощущаю их:
Они горячие, сухие –
Рождается в горенье стих!
С годами мне слышнее этот
Могучий голос всех страстей,*

*И слово вещее поэта
Как яркий луч в судьбе моей.
В Отчизне ко всему причастен,
Храня её красу и честь,
Я думаю: какое счастье,
Что у России Пушкин есть.*

Васлий Чалай (Марий Эл)

Наш Пушкин

*На волжские я выхожу берега,
Какая откроется ширь!
Так в книге, которая мне дорога,
Бескрайный откроется мир.
Наш Пушкин! Ну как рассказать мне о нём,
Ведь быль посильней небылиц,
Его я не с волжским сравню соловьём,
Он краше былинных жар-птиц.
Я с именем этим любимым привык
Лишь сравнивать свет зари...
«Всяк сущий» его называет язык,
Народ мой родимый мари.
Россия! Она нам великая мать,
Мы с нею ввысь поднялись,
И смог лишь в Советской России назвать
Марийцем себя «черемис».
Наш Пушкин! В нём Волги безмерная ширь,
Светлей он воды ключевой,
Открывая мне новый и радостный мир
В поэзии вечно живой!*

Поэты

*...Петербургская стынь,
петербургская стынь.
Над замерзшей Невой
горбаты мосты.
Пушкин полднем белёсым
на санках – туда,
где поземка метёт
и вокруг ни следа.
К Чёрной речке
вплотную придвинулся лес.
Я б не выдержал,
кинулся наперерез.
Я кричал бы,
повиснув на морде коня:
«Ради бога,
 послушайте, Пушкин, меня!
Поверните назад,
поверните назад!
Распахните в века
голубые глаза!
Честь поэта?
Она перед нами чиста,
словно утренняя
звезда».
Петербург.
Над замерзшей Невой мосты.
Я простился бы с ним
в ту январскую стынь...*

Лидия Нелидова-Фивейская, Георгий Голохвастов

Гимн Пушкину

*...Солнечный Пушкин, изведав печали,
В жизни расслышав призыв красоты,
Пел он о счастье, и струны звучали
Светлою грустью влюблённой мечты...*

«Он победил и время и пространство». **Анна Ахматова.**

«Пушкин был поистине солнцем русской поэзии, распространившим свои лучи на громадное расстояние и вызвавшим к жизни бесконечное количество больших и малых спутников. Он сосредоточил в себе свежесть молодой расы, наивную непосредственность и словоохотливость гениального здорового ребенка, для которого все ново, который на все отзывается, в котором каждое соприкосновение с видимым миром будит целый строй мыслей, чувств и звуков». **Константин Бальмонт.**

«Гуманность Пушкина была явлением высшего порядка: она не дразнила воображения картинами нищеты и страдания и туманом слез не заволакивала сознания: её источник был не в мягкосердечии, а в понимании и чувстве справедливости. И гуманность была, конечно, врожденной чертой избранной природы Пушкина». **Иннокентий Анненский.**

«Наша память хранит с малолетства весёлое имя: Пушкин. Это имя, этот звук наполняет собою многие дни нашей жизни. Сумрачные имена императоров, полководцев, изобретателей орудий убийства, мучителей и мучеников жизни. И рядом с ними – это лёгкое имя: Пушкин. Пушкин так легко и весело умел нести свое творческое бремя, несмотря на то, что роль поэта – не легкая и не веселая; она трагическая; Пушкин вел свою роль широким, уверенным и вольным движением, как большой мастер; и, однако, у нас часто сжимается сердце при мысли о Пушкине: праздничное и триумфальное шествие поэта, который не мог мешать внешнему, ибо дело его – внутреннее – культура, – это шествие слишком часто нарушалось мрачным вмешательством людей, для которых печной горшок дороже Бога». **Александр Блок.**

«Пушкин сознавал, что ему суждена жизнь недолгая, словно торопился исследовать все пути, по которым могла пройти литература после него. У него не было времени пройти эти пути до конца: он оставлял наброски, заметки, краткие указания; он включал сложнейшие вопросы, для разработки которых потом требовались многотомные романы, в рамку краткой поэмы или даже в сухой план произведения, написать которое не имел досуга. И до сих пор наша литература ещё не изжила Пушкина; до сих пор по всем направлениям, куда она порывается, встречаются вехи, поставленные Пушкиным в знак того, что он знал и видел эту тропу». **Валерий Брюсов.**

«Полтора века назад Бог даровал России великое счастье. Но не дано было ей сохранить это счастье. В некий страшный срок пресеклась, при её попустительстве, драгоценная жизнь Того, Кто воплотил в себе её высшие совершенства. А что случилось с ней самой, Россией Пушкина, – опять-таки при её попустительстве, ведомо всему миру. И потому были бы

мы лжецами, лицемерами – и более того: были бы недостойны произносить в эти дни Его бессмертное имя, если бы не было в наших сердцах и великой скорби о нашей общей с Ним родине... Не поколеблено одно: наша твердая вера, что Россия, породившая Пушкина, все же не может погибнуть, измениться в вечных основах своих и что воистину не одолеют её до конца силы Адовы». **Иван Бунин.**

«...Пушкин – до глубины души русский... Ему были ведомы все страдания цивилизованного человека, но он обладал верой в будущее, которой человек Запада уже лишился». **Александр Герцен.**

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». **Николай Гоголь.**

«Сочинения Пушкина, где дышит у него русская природа, так же тихи и беспорывны, как русская природа. Их только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух». **Николай Гоголь.**

«...не было бы Пушкина, не было бы и последовавших за ним талантов». **Федор Достоевский.**

«Кто любит Пушкина, тот за свободу. Кто с Пушкиным, тот за человека, родину и святыню. Если Пушкин завладевает сердцами России, значит жива Россия». **Борис Зайцев.**

«Самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа. Не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка, эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений – все эти хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, но и тех из иностранцев, которым он стал доступен». **Иван Тургенев.**

«Пушкин – чудо России. Он единственный, воистину любимый... Русские не всегда любят своих героев. Но вот есть на Руси и исключение. Есть и для нас Некто, кому мы поклоняемся и знаем, что должны поклоняться, и, если кто не понимает, не чувствует, не может постигнуть величие этого «поклоняемого», тот берет его как догмат. Этот Некто Пушкин. Пушкин – чудо России». **Надежда Тэффи.**

«Творчество Пушкина – широкий, ослепительный поток стихов и прозы, Пушкин как бы зажёл новое солнце над холодной, хмурой страной, и лучи этого солнца сразу оплодотворили её. Можно сказать, что до Пушкина в России не было литературы, достойной внимания Европы и по глубине, и разнообразию равной удивительным достижениям европейского творчества». **Алексей Горький.**

«С годами Пушкин открывается дальше и глубже. Лермонтов как-то сразу раскрыт перед тобой весь, а Пушкин – это тот, кто как сама жизнь, все время в процессе раскрытия. Пушкин неисчерпаем, – отмечал народный поэт Башкортостана Мустай Карим. – Я башкир, получил воспитание в национальных традициях, но для меня Пушкин – мой личный праздник. Это почти необъяснимо. Но это именно так...». **Мустай Карим.**

«Пушкин принадлежал к числу тех творческих гениев, тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приготавливают будущее, и по тому самому уже не могут принадлежать только одному прошедшему». **Виссарион Белинский.**

«Вы не поверите, что я с восторгом, давно уже мною не испытываемым, читал это последнее время, после вас – повести Белкина, в седьмой раз в моей жизни. Писателю надо не переставая изучать это сокровище. На меня это новое изучение произвело сильное действие». **Лев Толстой.**

«Пушкин... Он заморозил меня давно и пожизненно. В нём – в поэте, в человеке, в его многогранной личности – я всегда находил и нахожу ответы на самые волнующие вопросы: о свободе и необходимости, о долге и праве, о ремесле и вдохновении, о жизни и смерти. Я с юности чувствовал привязанность к творчеству поэта». **Педер Хузангай.**

«Пушкин – радуга по всей земле...». **Виктор Набоков.**

Список использованных источников

1. Зорин, А. Пушкин и феномен национального гения / Андрей Зорин. – Текст : электронный // Родное слово : сайт. – 2024. – 10 февр. – URL: <https://souzpisatel.ru/andrej-zorin-pushkin-i-fenomen-nacionalnogo-geniya/?ysclid=lwhloqqgc3922809515> (дата обращения: 22.05.2024).
2. Перхавко, В. Историческая поэтика и поэтическая история Александра Пушкина / Валерий Перхавко. – Текст : электронный // Независимая газета : сайт. – 2021. – 8 июня. – URL: https://www.ng.ru/science/2021-06-08/9_8168_pushkin.html?ysclid=lwhmu0sxa1735042820 (дата обращения: 22.05.2024).
3. Пушкин в творчестве чувашских художников. – Текст : электронный // Национальная библиотека Чувашской Республики : сайт. – URL: <http://www.nbchr.ru/sites/pushkin/page4.html> (дата обращения: 22.05.2024).

Ознакомительное издание

Пушкинский образ России

225 лет А.С. Пушкину

составитель О. И. Калинина

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области

«Свердловская областная межнациональная библиотека»

620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28

тел.: + 7 (343) 211-07-00

сайт: www.somb.ru

Аргументы

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА